

18+

Алексей Глазырин

**ИМПЕРИЯ В ОГНЕ.
ПЕРВЫЙ ГОД
ВОЙНЫ
1914**

Алексей Глазырин

**Империя в огне.
Первый год войны. 1914**

«Издательские решения»

Глазырин А.

Империя в огне. Первый год войны. 1914 / А. Глазырин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506787-6

Было ли что-то не так с нашей цивилизацией и с ценностями, в которые мы так верили? Великая война давала ужасный ответ. Лорд Грей, 1925.

ISBN 978-5-00-506787-6

© Глазырин А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Петербург – Петергоф август 1914 года	7
Москва сентябрь 1914	14
Москва Школа прапорщиков октябрь 1914 года	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Империя в огне. Первый год войны. 1914

Алексей Глазырин

© Алексей Глазырин, 2020

ISBN 978-5-0050-6787-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Образ главного героя книги является собирательным многие молодые люди из мирной жизни добровольно шагнули в окопы первой мировой войны, руководствуясь любовью к Отечеству. В том числе и будущие ученые с мировым именем.

В честь Сергея Вавилова был назван кратер на Луне, несколько научных судов, выпущены почтовые марки, поставлены монументы и мемориальные доски...

Но самым лучшим памятником ему стал небольшой фотоальбом «Смотрю на войну», выпущенный к его 120-летию и сразу ставший библиографической редкостью в силу крошечного тиража. В альбоме – дневниковые записи, стихи, рисунки и фотографии прапорщика Вавилова, сделанные на фронтах Первой мировой.

И чтобы там ни говорили о русских боевых офицерах тех лихих лет, но три объекта на карте Луны названы именами младших офицеров Русской армии – прапорщиков Сергея Вавилова, Владимира Зворыкина и Юрия Кондратюка.

В общей сложности за первую мировую войну, в России, было произведено в офицеры около 220 тыс. человек, в том числе 78581 человек из военных училищ и 108970 из школ прапорщиков, то есть за три с лишним года больше, чем за всю историю русской армии до первой мировой войны.

Учитывая, что непосредственно после мобилизации, до начала выпуска офицеров военного времени численность офицерского корпуса составила примерно 80 тысяч человек, общее число офицеров составит 300 тысяч.

Из этого числа следует вычесть потери, понесенные в годы войны. Непосредственные боевые потери убитыми, умершими от ран на поле боя, ранеными, пленными и пропавшими без вести составили свыше 70 тысяч человек 71298, в том числе 208 генералов, 3368 штаб-офицеров – и 67772 обер-офицера, из последних 37392 прапорщика.

Ротами, а во множестве случаев и батальонами повсеместно командовали офицеры военного времени, за частую это были мальчишки, бывшие еще вчера гимназистами и студентами, многие из которых к моменту февральского переворота, стали поручиками и штабс-капитанами, а некоторые даже и капитанами, в подполковники офицеры, выпущенные в военное время, как не получившие полного военного образования не могли производиться. За весь период войны офицерский корпус сменился почти полностью, в пехотных частях сменилось от 300 до 500% офицеров, то есть от трех до пяти раз в разных боевых частях менялся офицерский состав, в кавалерии и артиллерии – от 15 до 40%

Такие данные приводятся в статистическом справочнике «Россия в мировой войне 1914—1918 годов в цифрах», выпущенном уже в советской России в 1925 году.

Офицерский корпус к февралю 1917 года включал в себя большинство образованных людей в России, поскольку практически все лица, имевшие образование в объеме гимназии, реального училища и им равных учебных заведений и годные по состоянию здоровья были произведены в офицеры.

Поскольку традиции воинского воспитания в военно-учебных заведениях не прерывались, нельзя сказать, чтобы офицерство радикально изменилось по моральному духу и отношению к своим обязанностям. Подавляющее большинство офицеров военного времени не менее жертвенно выполняли свой долг, чем кадровые офицеры, и гордились своей принадлежностью к офицерскому корпусу. Как вспоминал один из них: «Подумать только, что большинство из нас, были народными учителями, мелкими служащими, небогатыми торговцами, зажиточными крестьянами... стали „ваше благородие“ ... Итак, свершилось. Сейчас мы офицеры... Нет-нет, да и скосишь глаз на погон. Идущих навстречу солдат мы замечаем еще издали и ревниво следим, как отдают они честь.»

Петербург – Петергоф август 1914 года

С утра пятницы 31 июля, в мирной еще столице Российской Империи, по всему Санкт-Петербургу были развешаны объявления об общей мобилизации. Люди собирались у этих объявлений. К населению огромной державы, по степенно начинало приходить понимание, что война уже постучалась к ним в дом.

Иногда слышны были горестные всхлипы женщин, узнававших, что их мужья и сыновья наверняка уйдут на войну. Иногда какой-нибудь богомольный недавний крестьянин начинал часто-часто креститься, шепча побелевшими губами: «Спаси господи люди твоя!»

К вечеру питейные заведения были переполнены. Народец начиная еще с раннего утра, постепенно заполнял помещения, которые из своих дверей все с большей интенсивностью выбрасывали потоки на улицу, пьяных мужиков, горланящих то разухабистые, то печальные песни, раздавался смех в пересмешку с размазывающими по лицам пьяными слезами.

В этот день, российский министр иностранных дел Сергей Дмитриевич Сазонов отужинал и решил еще поработать. Следовало привести в порядок последние бумаги, чтобы будущие историки могли возложить всю тяжесть вины за развязывание страшной войны на германцев. То, что война будет страшной, не вызывало никакого сомнения у министра.

«Неужели Вильгельм испугается участия Англии в войне и в последнюю минуту откажется от своего вызова? – напряженно думал министр. – Как тогда его раззадорить, словно быка: на корриде, и выставить в роли покусителя на всеобщий мир? Ведь это весьма важно для всех систем союзов... На чьей стороне выступит, например, Италия? Итальянцы будут крайне возмущены, что союзники их не спросили о таком важном деле, как начало войны... И если сейчас союз Италии с Австро-Венгрией и Германией трещит и потихоньку разваливается, то бестактность Вильгельма подорвет его окончательно. Тем более что собственные

интересы Италии в Средиземном море и на Балканах диаметрально противоположны австрийским...»

Старинные напольные часы красного дерева с бронзой в углу министерского кабинета мелодично отзвонили одиннадцать. Сазонов поднялся было с кресла, чтобы сложить депеши в сейф, но вошел секретарь и доложил, что германский посол граф Пурталес просит встречи.

«Вот оно, предъявление ультиматума! – удовлетворенно подумал министр. – Ура, Вильгельм решил стать виновником войны!»

– Приглашайте посла! – приказал Сазонов.

Граф Пурталес появился тотчас, словно стоял за дверью. Он почти бегом приблизился к столу министра. Обычно подтянутый и благообразный, с белесыми кроткими глазами, милой улыбкой, полускрытой в седой бородке клинышком и аккуратно подстриженных усах, о нимбом седых волос на полулысой продолговатой голове, граф теперь хочет изобразить гнев и возмущение, полагающиеся ему по сценарию, присланному из Берлина вместе с текстом ультиматума. Но ему плохо удается это, поскольку он всегда искренне и сердечно дружил с Сазоновым, с петербургским светом, где его любили и уважали.

Его «грозный» вид скорее похож на растерянность, в глазах посла стоят слезы, но он пытается говорить твердым голосом.

– Господин министр! – заявляет он. – Я уполномочен моим правительством потребовать от России прекращения всех ее мобилизационных мер как на германской, так и на австро-венгерской границе!.. Если российская мобилизация не будет прервана, то вся германская армия мобилизуется!..

Посол подчеркнуто смотрит на часы. На них – половина двенадцатого.

– Срок истекает ровно через двенадцать часов!

Как будто свалив тяжелую ношу, посол преображается. Из напыщенного, играющего в твердость посланника Германской империи он превращается в растерянного и жалкого старика.

– Согласитесь на демобилизацию! Согласитесь, на демобилизацию! Согласитесь, на демобилизацию!.. – бормочет он дребезжащим от волнения голосом и умоляюще смотрит на Сазонова.

Сазонов, которого перед приходом посла почти одолела нервная дрожь, теперь совершенно успокоился. Он твердо отвечает графу Пурталесу:

– Господин министр! Я могу лишь подтвердить то, что сказал вам сегодня его величество император Николай Второй. Пока останется хоть один шанс на предотвращение войны, пока могут быть продолжены переговоры с Австрией – Россия не будет нападать. Однако нам технически невозможно демобилизовать армию, не расстраивая всю военную организацию. Законность этого соображения не может оспаривать даже ваш генштаб!..

Пурталес делает жест отчаяния.

– Согласитесь на демобилизацию! – как заклятие произносит он.

Сазонов холодно смотрит на посла. Пурталес поворачивается и шаркающей походкой слабого человека уходит.

Петербург – Петергоф август 1914 года

1 августа

Субботний присутственный день чиновного Петербурга уже заканчивался, но германской ноты, подводящей черту под ультиматумом, предъявленным вчера, еще не было. По российскому министерству иностранных дел поползли слухи, что Вильгельм передумал, что возможно еще умиротворение Австрии и переговоры с Берлином. Многие из чинов дипломатического ведомства с этим и отправились на дачи.

Только к вечеру Сазонову доложили, что граф Пурталес вновь требует встречи. Министр понял, что решающий час наступил. Сергей Дмитриевич перекрестился на маленький образок, прежде чем из квартиры перейти в официальный кабинет.

Сняв перчатку, посланец извлекает из внутреннего кармана расшитого золотом мундира конверт из плотной белой бумаги с печатями, украшенными германским гербом, и торжественно, словно делая салют шпагой, передает его Сазонову.

Оба понимают, что момент передачи конверта с объявлением войны сам по себе не отворит реки крови. Она начнет литься лишь тогда, когда две военные машины столкнутся, когда войска войдут в соприкосновение. Два старых человека понимают, что очень многое их связывало лично и будет продолжать связывать, несмотря ни на что, ни на какие фронты, которые лягут между ними. Но символика акта такова, что оба вздрагивают, как от удара электрическим током, когда белый конверт переходит из руки посла в руку министра.

Сазонов – это нужно для истории – произносит снова свою фразу:

– Вы совершаете преступное дело!

– Мы защищаем нашу честь! – с дрожью в голосе говорит посланец. Он крайне расстроен и еле стоит на ногах.

Сазонов открывает конверт и читает текст об объявлении войны. Нота коротка. Ему бросается в глаза сначала последняя, самая существенная фраза:

«Его величество германский император, мой августейший монарх, от имени империи принимает вызов и считает себя в состоянии войны с Россией!»

Перейдя к вводной части, Сазонов видит вдруг в скобках два варианта формулировок. Изумлению министра нет предела. Ведь небрежность переписчиков делает ноту не документом, творящим историю, а посмешищем, заодно и чиновников посольства, выпустивших ее в таком виде.

Сазонов зачитывает вслух эти два варианта.

Затем министр в упор смотрит на посла и удивленно поднимает одну бровь.

Пурталес сам поражен и не может сказать ни слова. Он то краснеет, то бледнеет, в глазах его начинают блестеть слезы.

Сазонов заканчивает чтение и торжественно изрекает:

– Проклятие народов падет на вас!

– Мы только защищаем нашу честь! – снова, но уже шепотом повторяет граф Пурталес.

– Ваша честь не была затронута, – с пафосом продолжает Сазонов. – Вы могли одним словом предотвратить войну, но вы не хотите этого! Помните, что существует божественное провидение, и оно вас накажет!

– Это правда, существует божественное правосудие!.. И оно накажет вас!.. Божественное правосудие! – бормочет растерянный и подавленный посланец.

Почти себя не контролируя, бедный Пурталес направляется к раскрытому окну и оставившись, уткнувшись в штору. Старый слабый человек тихо плачет, скрыв лицо от министра.

– Мог ли я знать, что так закончится мое пребывание в России?! – слышно сквозь рыдания.

Сазонов подходит к нему, чуть обнимает за плечи и пытается успокоить старого друга, ставшего теперь врагом.

– Дорогой граф, я никогда вас не забуду... Давайте теперь простимся как добрые знакомые... – предлагает Сазонов.

– Прощайте, прощайте!.. – обнимает его Пурталес.

Никто в Петербурге еще не знает, что с этого часа Россия находится в состоянии войны с Германской империей.

2 августа

На кануне в субботу вечером весь Петербург уже знал, что Германия объявила войну России. К трем часам дня в воскресенье офицеры гвардии Петербургского военного округа, и высшие сановники империи были созваны в Зимний дворец на торжественный молебен и акт объявления войны Германии. Приказано явиться в походной форме, государственным деятелям – в парадных мундирах.

Утро началось колокольным звоном во всех церквах, толпы чисто одетой публики собирались из всех частей города на Невский, Миллионную, на Дворцовую площадь и на набережные Невы.

На утро, 2 августа 1914 г., царь издал указ о начале военных действий. Это был сверкающий, жаркий летний день. Дворцовая площадь, одна из самых больших в Европе, была переполнена тысячами изнывающих от зноя зевак, толпами возбужденных людей, несших флаги, иконы, ожидающих появления монарха, чтобы в его присутствии выразить свои патриотические чувства. На той стороне Невы, куда царь должен был прибыть из Петергофа, тысячи людей толпились на мостах и набережных реки, распевая и выкрикивая приветствия. Нева была покрыта яхтами, пароходами, парусниками, рыболовецкими суденышками, лодками с поднятыми флагами и с многочисленными зрителями на борту.

Когда император и императрица спустились на набережную Невы, прокатились волны приветственных криков: «Батюшка, батюшка, веди нас к победе!» Николай был одет в парадный мундир пехотного полка, Александра Федоровна – в белое платье. Она подняла поля своей нарядной шляпы, чтобы народ мог видеть ее лицо. Четыре великие княжны шли за царем и императрицей. Царевич, еще не поправившийся после несчастного случая на «Штандарте», остался в Петергофе.

Вступив во дворец, царь и императрица медленно проследовали по большой лестнице и широким коридорам дворца, заполненным людьми. Николай Александрович проходил сквозь толпу, кланяясь и кивая. Мужчины и женщины падали на колени и восторженно пытались поцеловать его руку. Богослужение состоялось в огромном беломраморном Николаевском зале, где в мерцании свечей собралось 5 тысяч человек. Алтарь, воздвигнутый в центре зала, был украшен знаменательной святыней – иконой Владимирской Божьей Матери...

После окончания этой церемонии царь и императрица вышли к народу, собравшемуся за стенами дворца. Когда они появились на задрапированном красными полотнищами высоком балконе, огромная толпа опустилась на колени. Николай поднял руку и попытался заговорить. Передние ряды затихли, но в последних возбуждение и движение людей были слишком велики, и слова царя потонули в шуме. Потрясенный Николай опустил голову. В ответ люди под влиянием переполнявших их чувств запели национальный гимн, мелодия которого была использована Чайковским в финале «Торжественной увертюры 1812 года», – «Боже, царя храни».

Сжав руки друг друга, человек в военной форме Император Самодержец, и женщина в белом платье российская Императрица стояли на балконе и плакали вместе с народом. «Для тех, кто стоял тогда на коленях, – сказал Палеолог, – царь был действительным самодержцем – военным, политическим и религиозным диктатором, абсолютным хозяином души и тела народного». И так было по всей империи: взрыв воодушевления, толпы народа на улицах, смех, слезы, пение, возгласы, поцелуи. Волна патриотизма захлестнула Россию. Рабочие оставляли красные революционные флаги и брали в руки иконы, портреты царя. Студенты покидали университеты и добровольно уходили в армию. Офицеров, встречавшихся на улицах, восторженно качали на руках.

В Санкт-Петербурге каждый день проходили демонстрации в поддержку царя и союзников. Из окна французского посольства Палеолог наблюдал массовую процессию людей с флагами, иконами и возгласами «Да здравствует Франция!» Отмечая крепнущий антигерманский союз, Палеолог, с присущим ему галльским вниманием к внешним деталям, отмечает, что «флаги трех наций слились в одно целое. Состоящие из одинаковых цветов – синего, красного

и белого, – они представляют собой живописное и впечатляющее свидетельство союзной коалиции».

В германское посольство, огромное гранитное здание, увенчанное двумя могучими скульптурами коней, ворвалась, как это и предсказывал граф Пурталес, разъяренная толпа. Однако вопреки тому, что предвидел посол, гнев толпы был направлен не против собственного правительства, но против Германии и самого германского посла. Захватив здание, толпа выбила окна, разодрала ковры и, поломав и разбив, выбросила на улицу не только мебель, фарфор, старинное стекло, но и принадлежавшую лично Пурталесу бесценную коллекцию мрамора времен Ренессанса и бронзу. Конные статуи на крыше были обвязаны веревками, сотни рук схватили и потянули их. Вздрыбленные кони кайзера с грохотом упали на мостовую.

В эти первые дни войны патриотизм населения был тесно связан с уже укоренившейся ненавистью к немцам. «За веру, царя и Отечество» и «На защиту святой Руси» – эти призывы охватили казармы, фабрики, деревни.

Война была объявлена, но пока оставалась в России понятием, отвлеченным. Лишь огромные толпы мобилизованных у воинских присутствий, безоружные колонны будущих солдат, нестройно шагающих в казармы и на железнодорожные станции, бесконечные молебствия духовенства во всех храмах о победе постоянно напоминали о ней.

Царская семья собиралась в Москву, чтобы, как писали газеты, «по обычаю державных предков, искать укрепления духа в молитве у православных святынь московских».

Наголо бритый маленький надутый человек, представляющий республиканскую Францию при дворе российского самодержца, не знал покоя со дня объявления Германией войны России. Война в его стране не была еще юридически свершившейся, но Палеолог уже развил бурную деятельность в петербургских салонах и со своими осведомителями.

С утра он завтракал в Царском Селе у великого князя Павла Александровича и его мorganатической супруги графини Гогенфельзен в присутствии члена Государственного совета Михаила Стаховича, насквозь пропитанных идеями трогательной дружбы с Францией. Господа французские симпатизеры без малейшей утайки отвечали на вопросы любознательного посла, характеризуя ему взгляды и правых, и левых в Государственной думе и в Государственном совете, и среди своих знакомых, и среди знакомых знакомых....

В четыре часа посол ехал на свидание со своим штатным осведомителем господином Б. из «прогрессивных кругов» и допрашивал его о том, как проходит в стране мобилизация, нет ли инцидентов в воинских присутствиях, как народ реагирует на войну. Он с удовлетворением узнавал, что никаких беспорядков нет, что лишь на редких фабриках и заводах продолжают забастовки. Правда, для этого полиции пришлось пересажать всех известных ей большевиков и сослать их в Сибирь. Правда, еще не арестованные большевики продолжают утверждать, что война приведет к торжеству пролетариата. Но это в данный момент посла совершенно не заботило... Зато все либералы, радикалы, прогрессисты и даже такие крайние демократы, как меньшевики, – все объединились под патриотическими знаменами и приготовились воевать за интересы великой Франции до последней капли крови русского мужика...

Сегодня, направляясь на виллу «Александрия» для аудиенции, которую ему устроил Сазонов, а после этого во дворце Знаменки, где находился пока верховный главнокомандующий, посол хотел, как бы подвести итог своим наблюдениям и сообщить в Париж президенту и другу Пуанкаре о том, как блестяще он выполняет в Петербурге его поручение.

В сопровождении церемониймейстера господин посол прибыл на придворной яхте «Стрела» к причалу Петергофа. Его уже ожидала карета с адъютантом императора и скороходом в пышных одеждах XVIII века. Утомленный качкой, посол втиснулся в карету, и резвые кони понесли его к «Александрии».

Летний дворец русского царя утопал в цветах. Перед ним расстилалась гладь Финского залива.

Через несколько минут, показавшихся Палеологу часами – так он хотел скорее увидеть императора, – посла пригласили в кабинет царя.

Николай Романов был в походной форме. Он стоял у окна, потирал себе висок, словно мучимый мигренью.

Посол почтительно поклонился монарху и ждал, что его пригласят сесть. Но царь словно забыл о кожаных креслах, стоящих в кабинете, и продолжал стоять. Послу тоже пришлось стоять.

– Я хотел, – негромко заговорил Николай, – выразить вам свое удовлетворение позицией Франции. Показав себя столь верной союзницей, ваша страна дала миру незабвенный пример патриотизма и лояльности. Прошу вас, господин посол, передать правительству Франции и особенно моему другу президенту сердечную благодарность...

«Неужели это все, ради чего я качался на яхте и ждал в приемной?..» – недовольно думает посол, но с умилением старого дипломата льстивым голосом произнес ответную речь.

– Правительство республики будет очень тронутно благодарностью вашего величества, – начинает Палеолог, заведомо зная, что российский самодержец терпеть не может даже слово «республика». Но посол подчеркивает именно его и продолжает, искусно придавая голосу волнение, которого вовсе не испытывает. – Мое правительство заслужило ее тою быстротой и решительностью, с которыми выполнило союзнический долг, когда убедилось, что дело мира погублено...

Палеолог хорошо знает, что произносит лживые и пустые слова, поскольку Франция еще никакого своего союзнического долга не выполнила, а, наоборот, делала и делает все, чтобы заставить Россию осуществить тот план военных действий, который будет выгоден Франции и совсем не выгоден России.

– В роковой день, когда бессовестный враг объявил войну России, – патетически восклицает посол, – мое правительство не колебалось ни единого мгновения...

– Я знаю, знаю... Я всегда верил слову Франции... – перебивает посла Николай. Подбирая слова, царь медленно и задумчиво выражает надежду, что соединенной мощью Антанты через три-четыре месяца Срединные империи будут повержены.

Палеолог согласен с государем, но искусно переводит разговор на опасности, которые угрожают Франции. Немцы еще не начали наступление на Париж, они топчутся в Люксембурге и застряли у фортов Льежа в Бельгии, но посол не жалеет усилий, чтобы толкнуть не отмобилизованную русскую армию на крепости Восточной Пруссии и Торн, дабы оттянуть германские корпуса на восток.

– Милый посол, не волнуйтесь так, – отвечает на паническую тираду Палеолога Николай. – Как только закончится мобилизация, я дам приказ идти вперед. Мои войска рвутся в бой. Наступление будет вестись со всею возможной силой. Вы, впрочем, знаете, что великий князь Николай Николаевич обладает необычайной энергией...

Посол доволен. Он получил заверения самодержца, о которых сегодня же сообщит шифрованной телеграммой в Париж. Кроме того, он имеет основание говорить об этом во всех салонах. Результат неплохой, и Палеолог с удовольствием болтает еще о том о сем. Николаю беседа не доставляет особенного удовольствия, но он поддерживает ее, демонстрируя свои знания военной техники, наличного состава германской и австро-венгерской армий, позиций Турции и Италии...

Неожиданно Николай замолкает, нерешительно мнетя и вдруг заключает посла в объятия.

– Господин посол, позвольте в вашем лице обнять мою дорогую и славную Францию.

Так же внезапно царь отпускает посла, и Палеологу становится ясно, что аудиенция окончена.

фронтонные сводки за август

4 августа 1914 Началась Восточно-Прусская операция.

5 августа 1914 Началась Галицийская битва.

7 августа 1914 Встречное сражение между русской и германской армиями у города Гумбиннен.

8 августа 1914 начинается сражение у Шарлеруа, – английские и французские войска отступают.

9 августа 1914 Сражения при Намюре и Монсе

10 августа 1914 Победа России при Франкенау в Восточной Пруссии. Началась Люблин-Холмская операция, наступление 4-й и 5-й русских армий Юго-Западного фронта против 1-й и 4-й австро-венгерских

11 августа 1914 Британские и бельгийские войска начинают отступление от Монса

13 августа 1914 Германия наносит поражение России в сражении при Танненберге в Восточной Пруссии

17 августа 1914 Германия захватывает Амьен.

24 августа 1914 Сражение в Мазурских болотах, Восточная Пруссия. Германские части отпросили русские войска.

26 августа 1914 Львовское сражение. Русские войска занимают Львов, четвертый по величине город Австро-Венгрии.

31 августа 1914 продолжилось наступление французских и английских армий на реке Эна в Северной Франции.

Москва сентябрь 1914

Студент Головин Алексей Михайлович сдал экстерном последний экзамен за полный курс прикладной математики Московского Университета и на днях получил диплом об окончании этого самого учебного заведения. Собственно, в этом ни чего из ряда вон выходящего не было, за исключением одного обстоятельства, молодому человеку, окончившему Университет было девятнадцать лет и этот подающий большие надежды студент умудрился закончить учебу за три года вместо положенных пяти. Его преподаватели доценты и профессора не могли не нарадоваться на перспективного ученика, схватывающего любой учебный материал на лету, и предрекали в будущем блестящую научную карьеру.

Еще вчера сам юный вундеркинд был полон планов по своей научной карьере, и действительно задел его научной работы был достаточно внушительным, а главное перспективным.

И вот буквально полчаса назад все рухнуло. Нет в его научной карьере ничего не изменилось, изменилось желание вообще чем-либо заниматься, Молодой человек брел по улицам шумного города в подавленном состоянии, не замечая вокруг себя ни чего. В его душе поселилось отчаяние.

Его бесцеремонно выставили из дома профессора, его любимого учителя, а за что за то, что он посмел высказать негативно о войне. Нет он не был пацифистом, и всей душой желал победы русскому оружию, но он интуитивно чувствовал, что это война закончится для России большой бедой, что и высказал прилюдно. В результате чего был обвинен в трусости и чуть ли не в предательстве Отечеству. А главное его первая и пока единственная любовь Верочка дочка профессора, презрительно ему высказала, что пока за него льют свою кровь русские люди, он смеет рассуждать о поражении в войне России. И сделала презрительное замечание уж не германский ли шпион господин Головин.

Его отчаянию не было предела, позор и обида мешала сосредоточиться и взять себя в руки, хотелось кричать, люди вы меня просто не поняли...

В кармане студенческого сюртука рука нащупало какое-то письмо, в голове всплыло как доцент Кислицын на выходе из дома сунул ему конверт. Алексей припомнил слова поддержки доцента, в запале пропущенные мимо ушей, что мол он верит в него и что мол Алексей еще докажет, что не трус и не предатель, а он его добрый знакомый ему в этом окажет услугу. Вот рекомендательное письмо на конверте адрес, по предъявлению сего письма ему помогут вступить в ряды защитников Отечества.

Так стоп, вдруг неожиданно, как с ним всегда и бывало, пришло прозрение и понимание, что он стал жертвой интриги. Вся картинка сложилась, ну какой же он дурак. Этот доцент давно и безнадежно ухаживал за Верочкой. И сегодня это он собственно спровоцировал его на откровенность по поводу войны.

Алексею с самого начала не нравился патриотический шапкозакидательский угар пронизавший российское общество. И он не однажды среди своих знакомых критически высказывался по этому поводу, а вот сегодня его как мальчишку подловили.

Ну что же, решение принято иду вступать в ряды защитников Отечества, все лучше, чем слыть трусом. Как говорится высоким штилем, одену форму императорской армии. Заявлюсь в дом к профессору, вот тогда посмотрим, что скажет Верочка. Но мой ответ будет однозначным, иду сложить голову за Россию, пусть эта ура патриотка...

Алексей не додумал что же такого скажет и сделает его вчерашняя любовь, ему стало легче от принятого решения, и он уже как-то неожиданно бодро пошагал по указанному адресу. Расставаясь на ходу со всеми своими мечтами, планами, мыслями, вчерашней своей гражданской жизни, он даже ощутил некое волнительное чувства скорых перемен.

Адресом, указанным на конверте оказалось присутственное место на Кутузовском, где на первом этаже разместилась комиссия по призыву. Штабс-капитан Ковальчук к кому следовало обратиться, оказался невысоким толстячком, с пышными усами и неиссякаемой энергией. Кабинет, на двери которого висела табличка «Уполномоченный штабс-капитан Ковальчук», по углам и стенам, был завален какими-то папками, что сильно сокращало жизненное пространство для хозяина кабинета. Не успев закрыть дверь в кабинет, Алексей практически у порога нос к носу столкнулся со штабс-капитаном, который удивительно для своей комплекции сноровисто выскочил из-за стола и буквально в несколько стремительных шагов оказался рядом с посетителем.

– Ну-с, молодой человек, с чем пожаловали?

Алексей молча протянул конверт. Живчик энергично вскрыл конверт и углубился в содержимое письма.

– М-да, и так голубчик, вы желаете стать добровольцем и так сказать грудью защищать Отечество? Ну что ж, ну что ж, похвально, похвально. Разрешите взглянуть на ваши документы.

Алексей так же молча вытащил из внутреннего кармана сюртука паспорт и диплом и протянул штабс-капитану.

Тот взяв протянутое, уже не спеша вернулся за стол и стал тщательно изучать поданные документы.

– Вам любезный, еще рановато в армию. Вам девятнадцать, а в армию призывают с двадцати одного годика, так вот-с, милейший Алексей Михайлович.

Наконец подал голос штабс-капитан, при этом задумчиво барабанил пальцами по столу, и глядя куда-то по верх головы посетителя.

– Но с другой стороны, если нельзя, но очень хочется, то почему бы и нет, так вам очень хочется?

Алексей не подавая голос, кивнул головой.

– Вижу, вижу, любезный, на вашем юном лице так и читается...

Что там прочитал хозяин кабинета на лице посетителя, так и осталось загадкой, так как штабс-капитан уже энергично что-то писал.

– в общем так-с, мой юный друг.

Закончив писать обратился он к Алексею.

– По указу его Императорского величества от 18 сентября сего года, предписано организовать школу прапорщиков для пополнения младшего офицерского состава и сейчас как раз идет набор в эту школу. Вот вам направление, ступайте по указанному адресу и становитесь юнкером этой замечательной школы, и не благодарите мой юный герой.

При этих словах он сунул Алексею его документы и очередной конверт, похлопал по плечу, развернулся и сел за стол, не обращая уже никакого внимания на посетителя.

Алексею только и оставалось не слышно ретироваться. Выйдя из кабинета он слегка ошарашенно от приема штабс-капитана, повертел конверт, прочитал адрес и двинулся в заданном направлении.

Вечером того же дня, смертельно уставший, от всех произошедших событий, круто изменивших судьбу Алексея, наконец добрался до дома. В школе отдав предписания в кадры, оставив там же паспорт, в замен получив на руки документ, утверждающий, что он является юнкером школы прапорщиков, расписался в журнале, с уведомлением о том, что ему надлежит явиться первого октября по указанному адресу, а также пройдя собеседование со штабс-капитаном Ротмистровым, наконец отбыл домой, как оказалось у него еще была неделя мирной жизни.

Дома его встретили взволнованные долгим его отсутствием тетюшки. Он был сирота, родителей ему заменили две его тетюшки, младшие сестры отца и матери, которые с его рож-

дения и занимались его воспитанием и души не чаяли в своём Алешеньке. Собственно, они и были его семьёй.

По иронии судьбы обеих тетушек звали одинаково, Мария Алексеевна, его и назвали в честь их отцов, а его дедов, и обе были вдовами не имеющими своих детей, по этой причине обе и отдали ему свою материнскую любовь.

Но на этом их одинаковость и заканчивалась, это были две противоположности, как чисто внешне, так и по характерам. Старшая, сестра отца, была внушительных размеров, строгая и властная. Вдова купца, с деловой хваткой, но в то же время набожная, установившая в доме строгие православные порядки. Она и вела все хозяйственные дела в семье. Младшая, сестра матери, была классической русской красавицей, но на фоне старшей выглядела миниатюрно. Вдова профессора, интеллигентка и дворянка, презиравшая всякое хамское мужичьё, как она выражалась, в пылу споров со старшей тетушкой. Друг с другом они постоянно были в чем ни будь да не согласны, но примиряла их, и даже объединяла неустанная забота об ихнем ненаглядном мальчике. Тем более что это ихнее сокровище постоянно попадало в какие ни будь неприятности, в силу своей непоседливости и любознательности.

И действительно с самого раннего детства, с Алексеем постоянно случались приключения на грани жизни и смерти. То из колыбели не понятно каким образом выпадет, то с крыши дома свалится, то в деревенском пруду тонуть начнет, то молнией ударит, то на скаку веткой с коня сойдёт, то еще что чрезвычайное случится.

С раннего детства к нему отцом был приставлен дядька, старый вояка и бывший денщик отца, из казаков, для присмотра и сохранения чада, а также для воспитания мужского характера в сыне. Вот старый Михалыч постоянно его откуда ни будь и доставал, то из пруда, то из-под коня, а заодно всякие воинские казачьи науки мальцу преподавал, как наказал дядьке его отец. По началу тетушки были возмущены таким подходом к воспитанию ребенка, со стороны отца, но со временем, все устоялось, так как увидели, что старый вояка оберегает мальчика и относится к нему со всем бережением, так Михалыч и стал неотъемлемой частью семьи.

Вот в таком душевном и любящем треугольнике тетушек и дядьки, он и воспитывался, впитывая в себя все то что давали эти три по-своему неординарных человека, душевную заботу, тягу к наукам и любовь.

Мария Алексеевна старшая привила веру православную и деловую хватку, Мария Алексеевна младшая раскрыла способности к языкам и физико-математическим наукам, а также в целом интерес к научному творчеству, Михалыч же, воспитал физически крепким телом и обучил пластунским казачьим боевым навыкам, в которые составной частью и входило умение выживать в критических условиях, на грани жизни и смерти.

От услышанной новости, что ихнее ненаглядное чадо поступило в школу прапорщиков, по началу впали в ступор. Первой опомнилась Мария Алексеевна старшая, слегка всплакнув, она тут же ринулась готовить мальчика, как она выразилась, на войну. Мария Алексеевна младшая сначала вцепившись ему в руку, потребовала, выкинуть эти глупости из головы иначе Россия потеряет великого ученого, но затем, поняв, что все бесполезно, ушла в гостиную, примостившись на диване, зарыдала в голос, с причитанием: «на кого же ты нас покидаешь», как обыкновенная русская баба. Алексей же стоя по среди гостиной, просто растерялся от такой реакции младшей тетки, у которой ни разу в жизни не видел ни одной слезинки. Выручил как всегда старый Михалыч. Слегка приобняв за плечи, говоря: «Пошли Лексей, пушай Марья Лексевна порыдает, такое бабье дело провожать казака на войну», повел его в свою комнату.

фронтовые сводки за сентябрь

1 сентября 1914 Союзники освобождают Реймс.

2 сентября 1914 В Тихоокеанском регионе, в германской Новой Гвинее, немецкие части сдаются британским войскам. Сражение на Эна. Союзники атакуют германские позиции. Пехота начинает рыть окопы.

4 сентября 1914 «Бегом к морю» назвали операцию, когда союзнические и германские войска пытались обойти друг друга с фланга. В результате Западный фронт протянулся от Северного моря через Бельгию и Францию до Швейцарии.

5 сентября 1914 Началась Августовская операция (первая) – наступательная операция в районе польского города Августов русских армий против немецкой армии.

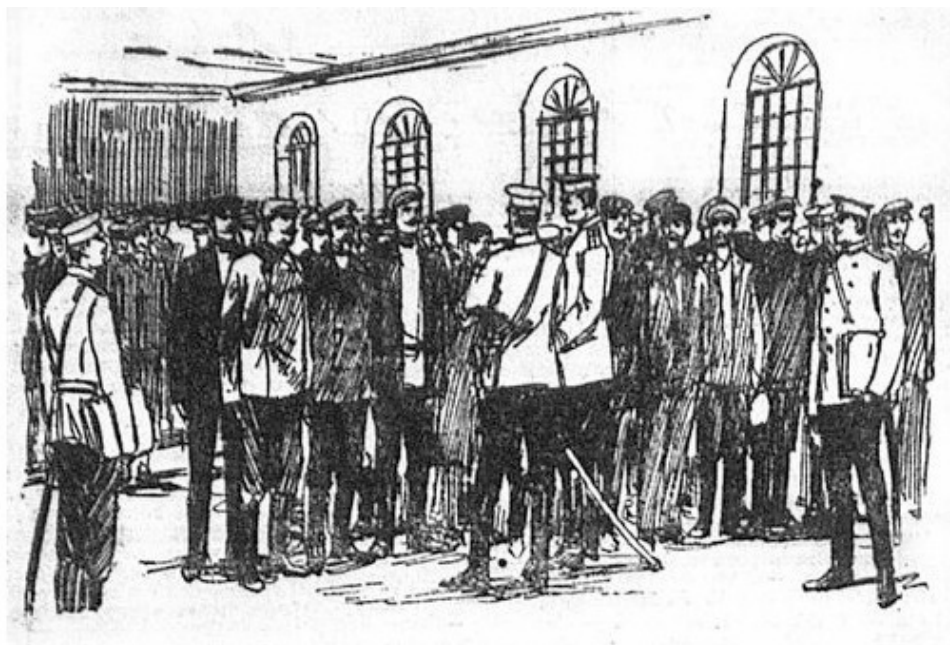
14 сентября 1914 Русские войска переходят Карпаты и вторгаются в Венгрию. Город Дуала в германском Камеруне захвачен британскими и французскими войсками.

15 сентября 1914 Первое сражение за Варшаву – Варшавско-Ивангородская операция. Германские и австрийские войска атакуют русские позиции с юга, но вынуждены отступить.

18 сентября 1914 Турция закрывает Дарданеллы для прохода судов.

26 сентября 1914 Антверпен захвачен германскими войсками.

29 сентября 1914 На Западном фронте начинается первое сражение у Ипра, Бельгия, в ходе которого германские части пытаются прорвать оборону союзнических войск.

Москва Школа прапорщиков октябрь 1914 года

Первые дни учебы показались Алексею суетными и бестолковыми.

Будущим младшим командирам действующей армии преподавали азы военной науки в соответствии с реалиями современной войны: стрелковое дело, тактику, окопное дело, пулеметное дело, топографию, службу связи.

Также они изучали воинские уставы, основы армейского законовещения и административного права, проходили строевую и полевую подготовку.

Обычный распорядок дня в школе прапорщиков выглядел следующим образом:

в 6 утра подъем, подававшийся трубачом или горнистом;

с 6 до 7 утра время для приведения себя в порядок, осмотра и утренней молитвы;

в 7 часов утренний чай;

с 8 утра и до 12 дня классные занятия по расписанию;

в 12 часов завтрак;

с 12.30 до 16.30 строевые занятия по расписанию;

в 16.30 обед;

с 17 до 18.30 личное время;

с 18.30 до 20.00 приготовление заданий и прочитанных лекций к следующему дню;

в 20.00 вечерний чай;

в 20.30 вечерняя повестка и перекличка;

в 21.00 вечерняя зоря и отбой.

По воскресеньям и во время православных праздников занятия не проводились, в эти дни юнкера из школ прапорщиков могли получить увольнение в город.

Школа помещалась в казармах 5-го гренадерского Киевского полка. Рядом, в казармах 6-го гренадерского Таврического полка, стояли 56-й и 55-й запасные батальоны, пополнявшие Гренадерский корпус.

Казармы были старые, еще Екатерининских времен. Но тесноты не было. Были спальни, отдельные классы для занятий. В полуподвальном этаже помещались столовая, кухня, склады и уборная.

Отопление было «амосовские печи». В подвальном этаже стояли четыре огромные печи. От них в стенах были проведены трубы, по которым шел горячий воздух из этих печей. В каждой комнате были по одному, а иногда и больше, в зависимости от величины комнаты, так называемые «душники», через которые в помещение проникал горячий воздух. Дров эти печи пожирали много, но в казармах было всегда очень тепло. Печи, были внизу, в подвальном этаже, в длинном коридоре. И днем, и ночью там всегда было темно.

Офицерский состав был из боевых офицеров. Большинство из них были инвалидами. Были и георгиевские кавалеры. Но инвалидность офицеров была такова, что не мешала им заниматься строем в условиях тыла. Например, капитан Сергеев был ранен в пятку правой ноги и не мог ступать на эту пятку. Штабс-капитан Манчуров ранен в кисть левой руки, но мог делать что-либо одной правой рукой. У поручика Львова не сгибалась левая рука от ранения в локоть и т. д., все в таком же духе.

По выходе из спальни комнаты, как обычно неожиданно, Алексея достаточно чувствительно, хлопнули по спине.

– О чем задумались, камрад Головин? Снова Верочку вспомнили? Смотрите доложу по начальству, что юнкер Головин имеет сердечную рану и вас отчислят из школы по ранению и дадут инвалидность.

Ну кто бы это мог быть, конечно же Сашка Богуславский, балбес и балагур, приятель Алексея по Университету. С ним Алексей столкнулся еще в первый день в школе. Связывало

их учеба в университете, верней несколько учеба сколько сдача экзаменов. Сашка тоже сдавал экзамены вне плана, а верней постоянно, что-то пересдавал, в чем Алексей ему постоянно помогал.

Как оказалось, этот неугомонный авантюрист, выбив себе направление в школу прапорщиков, заявился в университет, и на волне всеобщего патриотизма, умудрился за несколько дней сдать все свои долги и получить диплом, что было совершенно не вероятно, но только не для этого прохиндея.

Вот и сейчас он довольно улыбаясь, хитро шурился, явно замышляя очередную авантюру.

– а не согласится ли мой любезный друг в воскресенье составить компанию мне и двум очаровательным барышням? Так сказать, мои барышни ваши финансы. Гарантирую мы вытащим вашу сердечную занозу, и будущий офицер императорской армии, будет полностью исцелен от сердечных ран, а значит готов к защите Родины.

Не успел Алексей ответить, как прозвучала труба на утреннее построение, в коридорах школы пошла суета, юнкера второпях надевали шинели подпоясывались ремнями и выбегали во двор на построения, Алексея захватило всеобщее движение, он только махнул рукой и побежал во двор.

Начинался новый день учебы в школе.

После построения полувзвод, юнкера Головина отправился в класс топографии, где на стенах были развешены различных масштабов и размеров карты, разместившись за столами, несколько десятков юнкеров, слушало вводный курс по топографии, зарисовывая и запоминая различные топографические обозначения.

В полдень после завтрака при построении на строевые занятия, Сашка, вновь появившись как черт из табакерки, в очередной раз хлопнув по спине, поинтересовался, какое будет решение на его замечательное предложение. И снова разговор прервали свистки отцов-командиров.

В строю Алексей часто впадал в какое-то странное мечтательное состояние. Ему хотелось забыться, закрыть глаза, чтобы не видеть дурацкой муштры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.